

Эхо несбывшегося

Старый магнитофон и серая кинолента сохранили мечту всеми забытой актрисы

На экране — женщина-призрак. Как у трагической птицы, трепещут крылья кружевной шали. Изображение размыто, лица почти не видно. Это героиня фильма «Я — Чайка», который теперь впервые представлен московским зрителям. Фильм рассказывает о судьбе актрисы Валентины Караваевой, единственной знаменитой роли которой так и осталась «Машенька».

Валерий КИЧИН

Сорокаминутная лента включила несколько фотографий, кадры заброшенной могилы на Хованском кладбище, съемки в тесной квартире на проспекте Мира и несколько сотен метров из четырех километров кинолентки, найденной возле тела забытой звезды. Она лежала погребенная в этой пленке, как в земле своей настоящей родины. Другой у нее не было: одна ее не приняла, другая от нее отказалась.

Ее первой настоящей ролью в кино стала Машенька в фильме Райзмана. Этот фильм и сегодня шедевр, изумляющий не только скрытым, но, пожалуй, и открытым противостоянием системе. Он вообще стал возможен только в военное время, когда возник спрос на веру, надежду, любовь, и даже у Сталина впервые дрогнул голос, когда он обратился к стране, именуя свою паству «друзьями моими». Машенька сразу стала любимой героиней, Караваеву узнала вся страна. Сталин тоже оценил двадцатилетнюю актрису с ее огромными глазами и счастливой верой в лучшее. В 21 год она стала лауреатом Сталинской премии, ее позвал в свой новый фильм «Небо Москвы» Райзман. И тут случилась авткатастрофа, изуродовавшая ее лицо и жизнь. С карьерой киноактрисы было кончено.

Для воюющей страны эта потеря прошла незамеченной. Караваева трудно расставалась с

красотой и будущим — металась, пробовала сделать операцию. Говорят, и замуж вышла не столько по любви, сколько из надежды вернуть себе лицо, — за английского дипломата Чапмена. И в 1945-м уехала с ним в Лондон. Ей сделали еще две операции, но шрам остался. А она была актрисой от Бога, и любительский театр русской общины не мог утолить ее жажду. Она рискнула вернуться в СССР. Чапмен знал нравы сталинского режима, долго ее отговаривал, потом сдался и снабдил ее двумя флаконами яда — считал, что это лучший выход в случае ареста. Брак с иностранцем в СССР был равен пособничеству вражеской агентуре.

Это знали и ее знакомые в Москве. Ее Машенька еще лучезарно улыбалась с экранов, но это была уже какая-то параллельная, призрачная жизнь, не имеющая отношения к актрисе во плоти. Люди с актрисой не здоровались — боялись. В театры ее не брали, и ей всюду мерещились агенты НКВД. Страх и безысходность душили ее, и она выпила оба флакона сразу. Спасло то, что организм такую дозу не принял.

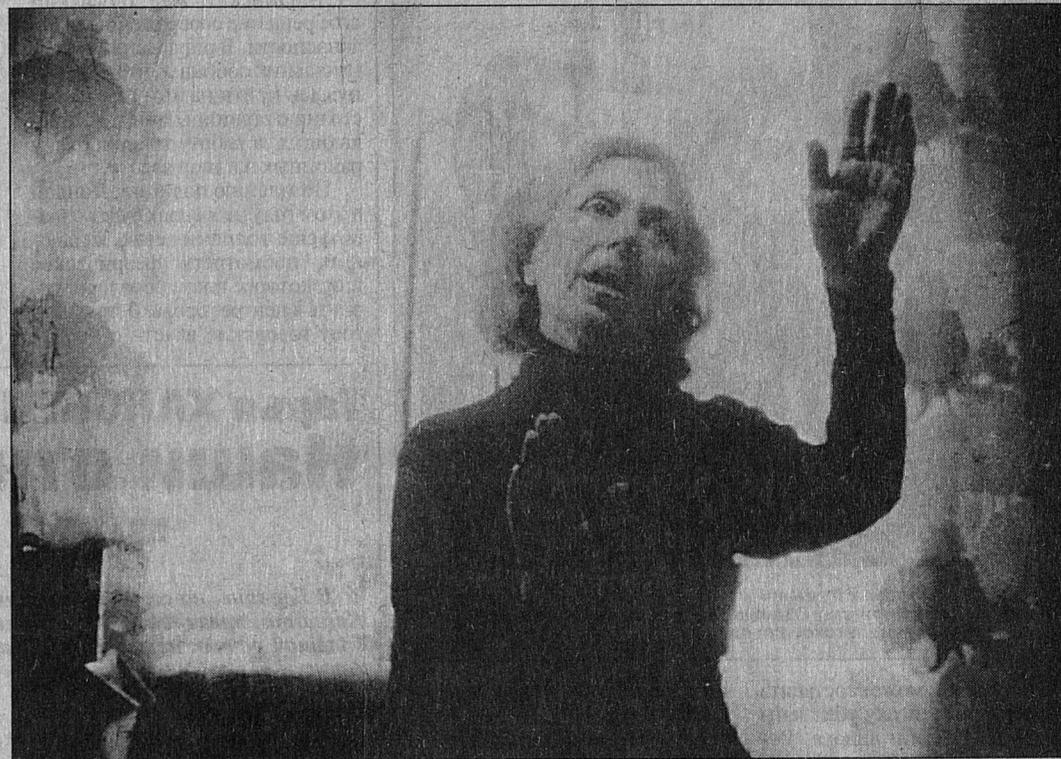
У нее был удивительный голос — глубокий, «мхатовский». И однажды ей повезло: эпоха «трофейных» картин с субтитрами в СССР закончилась, фильмы стали дублировать — понадобились актеры, способные соревноваться с мировыми звездами. И Караваева получила возможность играть за Марлен Дитрих («Свидетель обвинения»), Бетт Дэвис

(«Все о Еве»), Марию Шелл («Жервеза»), Даниель Дарье («Красное и черное»)... Ее жизнь потом обросла легендами, согласно которым она переиграла на экране саму Грету Гарбо. Наверное, так и было бы, если бы хоть один из фильмов Гарбо шел у нас на экранах в дублированном варианте.

В 1965 году она второй и последний раз появилась на экранах в роли Эмилии из сказки Шварца «Обыкновенное чудо». Перед зрителями предстала Машенька неузнаваемая — изверившаяся и колючая. Караваева играла женщину с прошлым тяжелым и таинственным, но гордую — играла, в сущности, себя. И слова из роли: «Смотрите — вот я какая стала!» — обращала не только к партнеру, но главным образом к зрителям, повернувшись к камере той стороной лица, которую считала изуродованной.

Между тем как раз этот шрам придавал ей оттенок трагизма и своеобразной пикантности. Будь иной атмосфера в стране и в строго стандартизованном искусстве, она могла бы найти себя на экране — подобно тому, как сумел сделать своим козырем парализованное лицо гениальный японец Такеши Китано. Но ее отвага в «Обыкновенном чуде» так и осталась без продолжения.

Как она провела последние тридцать лет, стало известно только после ее смерти. Она жила затворницей. Обтянула стены комнаты черным, поставила 16-миллиметровую камеру «Киев» и перед ней бесконечно играла все несыгранное: Анну Каренину, Нину Заречную, Раневскую, Гелду Габлер, Кармен. Ее голос записывал магнитофон «Комета» с помощью прикрученного к стулу пластмассового микрофончика.

Актриса Валентина Караваева играла в одиночестве и была единственным своим зрителем

Синхронизировать голос с изображением эта техника не позволяла. Она снимала себя на контражуре — становилась против окна, чтобы лицо оказалось в тени. Она не только хотела вернуть несбывшееся — хотела вообразить себя такой, какой могла бы быть. Ее отгороженная от людей жизнь была иссушающей борьбой с комплексами. Люди этого не понимали и помочь здесь не умели.

Вся эта история поразила режиссера Георгия Параджанова, племянника знаменитого Сергея Параджанова. И он снял фильм «Я — Чайка». Мы беседуем перед премьерой.

— Мне удалось попасть в квартиру Караваевой через месяц после ее смерти. Никакая фантазия не сравнится с той реальностью, какую я там увидел. Обшарпанный паркет завален бумагами, обувью, бусами, письмами. И кругом на полу или в пакетах изпод молока — отснятая кинолента, чаще всего спутанная в

ком. Поразили чемоданы, которые она привезла из Лондона. Вспушенные от времени, покрытые плесенью, с бронзовыми замками — такие чемоданы должны были всплывать с затонувшего «Титаника». Я открыл один и достал нечто напоминавшее шубу; она тут же рассыпалась в пыль — истлела от времени. Из нее летела молочного цвета полупрозрачная мошкара — это был совершеннейший сюрреализм! Мне казалось, что я археолог, откопавший древний курган, когда все его сокровища от прикосновения мгновенно обращались в прах.

— Она жила в мире призраков?

— Она жила в своем мире. Она стерла грань между реальностью и вымыслом и сделала из своей квартиры тот самый съемочный павильон, без которого не могла жить. Это было — продолжение жизни. Я двадцать лет провёл в одной квартире с Сергеем Параджановым — и видел, как он продлевал себе жизнь в тюрьме. Он работал — рисовал, лепил;

от тех лет остались две тысячи рисунков и коллажей. Но он был художником и мог работать с любым материалом. У Караваевой же был только один материал — она сама. И она играла. В «Карениной» она играет за Анну, за сына Сережу, за паровоз, под который бросается. Просматривала отснятое на экранчике из листа бумаги — и все играла заново.

Я сделал картину об одиночестве. Очень аскетичную — у нас не было задачи «показать режиссуру». В ней сняты Караваевой пленки и только один образ — ее могила. Провалившийся, лопухами заросший ключок земли с крестом, на котором написано: «Чапмен». Могила эта упирается в бесконечную бетонную стену — а за стеной городская мусорная свалка, где копошатся вороны и... чайки.

«Горе не тому, кто страдает, а тому, кто заставляет страдать» — последние слова, которые донесла до нас иссохшая магнитофонная пленка с «Кометы».